

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-3-230-247

О. ХРИСАНФ НА ПУТИ К КОРЕЙСКОЙ МИССИИ: МЕСТНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ

Ли Цзин

Университет Цинхуа, Пекин, КНР
923639147@qq.com

Аннотация. В статье рассматривается биография Хрисанфа (Щетковского) — начальника Русской Духовной миссии в Корее в 1899–1904 гг. — до его отправки в Сеул. Целью работы является демонстрация особенностей становления русского православного миссионера в условиях углубления проблем, с которыми столкнулась Россия на заключительном этапе своего существования, и усиления противостояния великих держав в Восточной Азии. Новизна исследования определяется привлечением для анализа биографического материала методологии глобальной микроистории (global microhistory), позволяющей рассматривать частную жизнь человека как часть глобального контекста и в то же время оценивать значение судьбы отдельной личности в мировом историческом пространстве. Обращение Хрисанфа к миссионерской деятельности было продиктовано, с одной стороны, прагматическими причинами, связанными с кончиной супруги и фактической невозможностью вступить в повторный брак, что предопределило невозможность полноценно заниматься приходской работой, а также явной предрасположенностью будущего главы Духовной миссии в Сеуле к воспитательной работе. В Казанской духовной академии основательная религиозно-учебная подготовка, сочеталась с сильной школой миссионерства и востоковедения, что предопределило становление Хрисанфа в качестве «строителя империи» и подготовило его к работе в качестве агента влияния России и миссионера православной веры на Корейском полуострове.

Ключевые слова: Хрисанф (Щетковский), глобальная микроистория, Казанская духовная академия, калмыки, Н.И. Ильминский, обрусение.

Для цитирования: Ли Цзин О. Хрисанф на пути к корейской миссии: местное и глобальное // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 3. С. 230–247.

Дата поступления в редакцию: 07.08.2024

FATHER CHRYSANTH ON THE WAY TO THE KOREAN MISSION: LOCAL AND GLOBAL

Li Jing

Tsinghua University, Beijing, China
923639147@qq.com

Abstract. The article deals with the biography of Chrysanth (Shchetkovsky) — the head of the Russian Theological Mission in Korea in 1899–1904 — before he was sent to Seoul. The purpose of the work is to demonstrate the peculiarities of the formation of the Russian Orthodox missionary in the conditions of deepening problems faced by Russia at the final stage of its existence, and increasing confrontation between the great powers in East Asia. The novelty of the study is determined by the use of global microhistory methodology to analyze the biographical material, which allows us to consider the private life of a person as part of the global context and, at the same time, to assess the significance of the fate of an individual in the world historical space. Chrysanth's turn to missionary activity was dictated, on the one hand, by pragmatic reasons connected with the death of his wife and the actual impossibility to remarry, which predetermined the impossibility to fully engage in parish work, as well as by the obvious predisposition of the future head of the Ecclesiastical Mission in Seoul to educational work. At the Kazan Theological Academy a thorough religious studies training was combined with a strong school of missionary and oriental studies. Predetermined the formation of Chrysanth as an “empire builder” and prepared him to work as an agent of Russian influence and missionary of the Orthodox faith on the Korean peninsula.

Keywords: Chrysanth (Schetkovsky), global microhistory; Kazan Theological Academy; Kalmyks; N.I. Ilminsky; russification.

For citation: Li Jing Father Chrysanth on the way to the korean mission: local and global // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2024. Vol. 21. № 3. P. 230–247.

Received: 07.08.2024

Введение

1 мая 1869 г. в семье священнослужителя в станице Великокняжеской Области Войска Донского родился Христофор Петрович Щетковский¹. Спустя 30 лет он отправился в миссионерское путешествие в Корею в качестве главы первой русской духовной миссии в Корею, приняв монашеский постриг с именем Хрисанф.

В последние годы развитие микроглобальной истории привнесло новые перспективы в изучение глобальной истории (Global history). Это позволило осуществить переход от изучения грандиозных структурных проблем к исследованию судеб отдельных людей в глобализованном мире, постигая их жизненный опыт и проникая в их интеллектуальный и эмоциональный миры. Доминик Заксенмайер (Dominic Sachsenmaier) в книге **«Глобальные связи человека, который никогда не путешествовал: Конфликт между мирами в сознании китайского христианина XVII века»** успешно смещает фокус исследований глобальной истории с подвижных людей на неподвижных индивидов, открывая новые перспективы для понимания глобальных сетей и культурных обменов той эпохи².

Выполненная в парадигме глобальной микроистории, данная работа берет за точку отсчета мир, в котором жил отец Хрисанф до поездки в Корею. Казалось бы, в этот период его деятельность ограничивалась пространством Российской империи, и, кроме своего родного города, он выезжал только в Казань для учебы. Но в это время страна переживала переходный период, связанный с «Великими реформами», бурным развитием капитализма и разворотом внешней политики на Дальний Восток. Россия становилась все более связанной с миром по мере ускорения процесса глобализации. Таким образом, включение Хрисанфа в глобальную сеть началось не с его поездки в Корею. До начала своей миссии он был относительно «статичен» не только как житель России эпохи перемен, но и как индивид в глобальной сети.

Письма и дневники отца Хрисанфа в большей степени посвящены его пребыванию на Дальнем Востоке, а подробности его жизни, как и других российских священнослужителей и миссионеров императорской эпохи, рассеяны в архивах и газетах, издававшихся

¹ Херсонские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 549.

² См.: 萨赫森迈尔D, 张旭鹏译. 在地之人的全球纠葛: 朱宗元及其相互冲突的世界[M]. 北京: 商务印书馆, 2022. (Доминик Заксенмайер. Глобальные связи человека, который никогда не путешествовал. Конфликт между мирами в сознании китайского христианина XVII века / Пер. с англ. на кит. Чжан Сюйпэном. Пекин, 2022.)

церковью. На основе этих источников в данной работе предпринята попытка реконструировать жизненный опыт Хрисанфа и проанализировать русское общество, в котором он жил до отправки в Корею.

Жизнь и окружение отца Хрисанфа

В августе 1895 г. молодой священник Х.П. Щетковский из Области Войска Донского решил поступить на учебу в Казанскую духовную академию. Тогда он еще не думал о том, чтобы принять монашеский постриг.

Щетковский принял решение о продолжении образования, опираясь как на семейные обстоятельства, так и на социальную обстановку. Что касается семьи, то за год до этого (в 1894 г.) у него умерла жена. Для молодого священнослужителя быть вдовцом очень обременительно³. В соответствии с решениями Большого московского собора 1666–1667 гг., священнику, потерявшему жену и решившему снова жениться, требовалось не только одобрение епископа, но и согласие на понижение в сане и доходах. Рядовым священникам было трудно заручиться поддержкой епископа, к тому же они неохотно соглашались на уменьшение жалованья и понижение в чине. Но этим проблемы, связанные с повторным браком, не исчерпывались: священники могли столкнуться с критикой и даже остракизмом со стороны других священнослужителей, считавших подобное поведение греховным; кроме того, паства могла перестать доверять такому священнослужителю⁴. В связи с этим большинство овдовевших священников не решалось вступать в повторный брак.

Не решился вновь жениться и Щетковский. После потери жены он посвятил себя служению пастве, организовав церковно-приходскую школу. Столкнувшись с двойной нагрузкой — обучение и законоучительство — он загорелся желанием продолжить образование⁵. В качестве направления учебы Щетковский выбрал миссионерство. В посвященном ему некрологе этот факт объясняется двоякой причиной: помимо желания заведовать школой в родном городе, он также хотел благовествовать язычникам-калмыкам на родине — что было обусловлено социальным контекстом, в котором он оказался⁶.

³ Херсонские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 550.

⁴ 土肥恒之, 李文明译. 俄罗斯: 罗曼诺夫王朝的大地[M]. 北京: 北京日报出版社, 2020, 第72–73页. (Дохи Цунэюки. Россия: Земля династии Романовых (ロシア・ロマノフ王朝の大地). Пер. с яп. на кит. Ли Вэньмином. Пекин, 2020. С. 72–73.)

⁵ Херсонские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 550.

⁶ Там же.

С XVII в. до середины XVIII в. центр Евразийского континента являлся местом борьбы за власть между государством Цин, Россией и Джунгарским ханством, в противостоянии которых постепенно вырисовывался прообраз «Большой игры»⁷. В этом историческом контексте стратегия России по расширению на восток совпала с укреплением Цинских властей на северо-западном пограничье, в результате возник конфликт интересов двух стран в этом регионе.

Однако постоянные перемещения калмыков между Россией и Китаем создавали неопределенность на восточной границе России и становились фактором риска для ее экспансии. С одной стороны, Российская империя в то время активно расширялась на юг, и Екатерина II была полна решимости расширить свои южные границы до Черного моря⁸. С другой стороны, Россия, нацеленная на экспансию в Центральную Азию, во второй половине XVIII в. постепенно изменила тактику управления и попыталась создать новую административную систему на западе среднеазиатских степей, чтобы укрепить контроль над регионом⁹. На этом фоне сохранение стабильности восточной границы имело огромное значение для России. Она обеспечила бы относительно надежную опору для расширения империи на юг.

В 1771 г. после ухода части Калмыцкого ханства в состав Китая Екатерина II издала указ об упразднении ханства и передаче его под юрисдикцию Астраханской губернии¹⁰. Впоследствии калмыки, оказавшиеся на западном берегу Волги, потеряли свои прежние дома и земли, а некоторые были вынуждены покинуть калмыцкую степь и переселиться на Дон. Так донские калмыки стали калмыцкими казаками. От них, как и от всех донских казаков, требовалось соблюдение воинской дисциплины, поэтому им запрещалось покидать регион без разрешения администрации.

Впоследствии, чтобы облегчить имперское управление, российское правительство приняло ряд мер, призванных способство-

---

⁷ *Perdue P.C. China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia*, Harvard University Press, 2005. P. 1.

⁸ 埃莱尔, 张立译. 俄罗斯帝国史: 从留里克到尼古拉二世 [M]. 南京: 译林出版社, 2023, 第713页. (Геллер М.Я. История Российской империи (Histoire de la Russie et de son Empire) / Пер. с фран. на кит. Чжан Бином. Нанкин, 2023. С. 713.)

⁹ 施越. 俄罗斯草原征服史: 从奥伦堡到塔什干 [M]. 上海: 东方出版中心, 2023, 第73–74页. (Ши Юэ. История русского завоевания в степях: от Оренбурга до Ташкента. Шанхай, 2023. С. 73–74.)

¹⁰ *Горьев М.С. Изменения правового статуса калмыцкого народа (1771–1847 гг.) // Вестник КИГИ РАН. 2009. № 2. С. 34.*

вать переходу калмыков от кочевого к оседлому образу жизни¹¹. В особенности местное правительство дало разрешение церкви направить к калмыкам христианских миссионеров, чтобы сблизить их с Российской империей и укрепить их лояльность империи, используя религию в качестве связующего звена. В соответствии с этим решением миссионеры должны были не только служить среди русских казаков, но и ездить в калмыцкое кочевье.

Одним из таких миссионеров стал родившийся на Дону Щетковский, который «одновременно состоял и священником при походной церкви Святителя Николая в калмыцких кочевьях»¹². В ходе миссии ему часто приходилось общаться с калмыками, исповедовавшими ламаизм (тибетский буддизм). Именно этот опыт общения с представителями Востока наполнил его заботой о них и заставил выбрать направление дальнейшей учебы — миссионерство. Так, в августе 1895 г. он отправился в путь, чтобы продолжить обучение в Казанской духовной академии.

Миссионеры империи: из Щетковского в Хрисанфа

Казанская духовная академия, где учился Щетковский, была единственной академией в Российской империи, имевшей отделение, в котором осуществлялась системная подготовка миссионеров. В то же время Казанская духовная академия являлась академическим центром, в котором велось углубленное изучение этнографии, истории, верований и языков этнических меньшинств Поволжья, Приуралья и Сибири¹³. Так, Щетковский, поступивший в Казанскую духовную академию, интенсивно изучал три направления: миссионерство, богословие и востоковедение.

Он поступил в академию, когда в учебном заведении происходили серьезные перемены. Новым ректором тогда стал архимандрит Антоний (Храповицкий). Еще до отъезда в Казань он приобрел репутацию усердного и ревностного священнослужителя, распространявшего духовное просвещение и богословские знания среди широких масс.

Действия о. Антония были созвучны «эпохе возрождения» Церкви при Александре III. Этот новый царь вступил на престол после убийства революционерами его отца, поэтому он боялся ре-

---

¹¹ Дронов В.А. Донские казаки-калмыки: от кочевья к оседлости // "Nomadic civilization: historical research". 2022. № 1. С. 36.

¹² Херсонские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 549.

¹³ Кострюков М.А. Казанская духовная академия — востоковедческий центр дореволюционной России // Наука и современность. 2013. № 25-1. С. 37–38.

волюционного движения и пытался сохранить самодержавие. Понимая, что Православная церковь является одной из важнейших опор самодержавия, новая власть старалась оказать ей всестороннюю поддержку¹⁴. Церковь вновь, как и при Николае I, выдвинулась на первый план в официальной идеологии и стала важной частью «образа самодержавия», складывавшегося при Александре III¹⁵.

Именно в этой атмосфере о. Антоний побуждал своих студентов проповедовать и благовествовать в духе Церкви, которая была настроена против реформации и защищала самодержавие. Под его влиянием произошел религиозный подъем, и студенты стали уделять больше внимания церковной жизни¹⁶. Х.П. Щетковский тоже увлекся богословием и принял монашество с именем Хрисанф¹⁷.

Один из родственников Хрисанфа, И.В. Попов, был исследователем ламаизма и монгольского языка, профессором Казанской духовной академии¹⁸. И Попов, и Хрисанф — выходцы из долины Дона, и схожее воспитание, возможно, в какой-то степени повлияло на их научные интересы. По мнению Николая Цыремпилова (Nikolay Tsyrempilov), во второй половине XIX в. православные миссионеры стали играть значительно большую роль в «Ламском вопросе»¹⁹.

Уже в XVIII в. для российских властей не было секретом то, что буряты и калмыки на ее территории исповедуют ламаизм и поддерживают тесные связи с монгольскими и тибетскими регионами в Китае. Поэтому Россия придавала большое значение изучению монголоведения и тибетологии, чтобы разорвать связи между калмыками и Китаем²⁰. В XIX в. в регионе началось противостояние Великобритании и России, вошедшее в историографию как «Большая игра». К концу XIX в. сама империя стала рассматривать

---

¹⁴ 戴桂菊. 俄国东正教会改革1861–1917[M].北京:社会科学文献出版社,2002,第151–152页. (Дай Гуйцзюй. Реформа Русской православной церкви (1861–1917). Пекин, 2002. С. 151–152.)

¹⁵ Полунов А.Ю. Церковь, власть и общество в России (1880-е — первая половина 1890-х гг.) // Вопросы истории. 1997. № 10. С. 127.

¹⁶ Херсонские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 549.

¹⁷ Там же. С. 550–551.

¹⁸ Щербак Д.А. «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему» // Донской временник. Год 2014-й. / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2013. Вып. 22. С. 145–149.

¹⁹ Tsyrempilov N. Under the Shadow of White Tara: Buriat Buddhists in Imperial Russia. Leiden: Verlag Ferdinand Schöningh, 2021. P. 196.

²⁰ 张广达. 沙俄侵藏考略[J].中央民族大学学报:哲学社会科学版.1978(1),第25页. (Чжан Гуанда. Исследование вторжения царской России в Тибет // Вестник Китайского университета Минзу (издание по философии и общественным наукам). 1978. № 1. С. 25.)

международные религиозные связи буддистов не как угрозу, а как возможность расширить российские интересы в Азии²¹. Атмосфера «Большой игры» подтолкнула Россию к активизации экспансии, и в 1893 г. чиновник Азиатского департамента МИД П.А. Бадмаев подал Александру III пространную докладную записку, чтобы вести, с помощью бурятских торговцев и буддистов-паломников, активную антиманьчжурскую и одновременно прорусскую агитацию среди народов, населяющих западную окраину Срединной империи, включая Монголию и Тибет²². В связи с необходимостью экспансии в России быстро развивалось тибетоведение и монголоведение, а также изучение ламаизма. Эти исследования были очень полезны как для внешней экспансии, так и для внутреннего управления Россией, особенно в практической сфере, где главная ценность тибетологии заключалась в отправке православных миссионеров в Калмыкию и Бурятию²³.

Еще в момент размышлений об отправке для обучения в Казань Хрисанф решил, что будет проповедовать среди калмыков на Дону²⁴. Поэтому, чтобы эффективнее общаться с калмыками и распространять православное учение, Хрисанф с большим энтузиазмом посвятил себя изучению монгольского языков и ламаизма.

В области миссионерского образования Казанскую духовную семинарию окончил также миссионер Н.И. Ильминский, оказавший большое влияние на Хрисанфа. Ильминскому принадлежит большая заслуга в продвижении идеи организации миссионерской и просветительской деятельности для инородцев на их родных языках²⁵. Эта концепция не только отражала уважение и терпимость империи к иностранным культурам, но и во многом способствовала эффективности миссионерской деятельности и распространению образования. После отмены крепостного права в 1861 г. Россия остро нуждалась в свободных крестьянах для того, чтобы решить проблему нехватки рабочей силы для развития капитализма. Отсутствие гражданского образования стало серьезным препятствием для доступа освобожденных крепостных на рынок труда, особенно для инородцев. Нерусские имели меньший доступ

---

²¹ Under the Shadow of White Tara: Buriat Buddhists in Imperial Russia. P. 193.

²² См.: Андреев А.И. Россия и Тибет: История политических отношений (XVIII — начало XXI века). СПб.: Издание А. Терентьева, 2020. 620 с.

²³ Железнов А.Ф. Из истории буддологии в России // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2022. № 8 (38). С. 141.

²⁴ Херсонские епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 549.

²⁵ Россия: Земля династии Романовых. С. 244–245.

к образованию, чем русские, даже зачастую были лишены его вовсе. Поэтому возникла острая необходимость в создании системы образования для инородцев²⁶.

К тому времени, когда Хрисанф приехал в Казань на учебу, Ильминский уже скончался, поэтому он не получил прямых наставлений от него. Однако влияние Ильминского на Хрисанфа можно четко выявить в ряде статей, опубликованных им в «Известиях Казанской епархии»²⁷. Хрисанф рассматривал свой миссионерский опыт в Корее как способ пойти по стопам Ильминского и воплотить «систему Ильминского» в жизнь.

Хрисанф, учившийся в Казани, еще не знал, что в будущем ему придется отправиться в Корею, поэтому он намечал будущую миссию по обращению калмыков-язычников. Он познакомился с трудами Ильминского и понял, что «объединение, (т.е. верою) и при неодноязычии ведет к единству по духу, потом по национальности, и непременно, долго ли — коротко ли, завершится и единством по языку: история и текущие опыты — свидетели». Для русских миссионеров, таких как Хрисанф и Ильминский, конечной целью миссионерской деятельности, независимо от используемого языка, было успешное «обрусение» инородцев²⁸.

Понятие «обрусение» по-разному понималось учеными разных стран в XX в.²⁹ Географ И.Ф. Бабков подчеркивал, что «Нельзя понимать под словом «обрусение» одно только усвоение русских обычаев, привычек и вообще внешней обстановки русской жизни»³⁰. Историк А.И. Миллер указывает, что обрусение было не только политикой ассимиляции, но и проявлением культурной аккумуляции инородцев. Аккультурация не требовала от инородцев в процессе менять свою этнической самоидентификации³¹. Иначе

---

²⁶ Помелов В.В. Священник и просветитель нерусских народов Н.И. Ильминский. К 200-летию со дня рождения великого педагога // Историко-педагогический журнал. 2022. № 1. С. 15.

²⁷ К вопросу о переводах на инородные языки // Церковный Вестник. 1904. № 50. С. 1590; Известия Казанской епархии. 1904. № 41. С. 1379–1384; № 47. С. 1570–1582.

²⁸ К вопросу о переводах на инородные языки // Известия Казанской епархии. 1904. № 41. С. 1381–1382.

²⁹ См.: Нехорошева Т.М. Понятие «Обрусение» в трактовке профессора П.В. Знаменского // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022. № 3. С.199–212.

³⁰ Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875 г.: Разграничение с Западным Китаем 1869 г. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. С. 344.

³¹ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛЮ, 2010. С. 61–63.

понимает русификацию американский ученый Роберт П. Джераси (Robert P. Geraci). По его мнению, именно «русскость» (russianness) является основой «обрусения». Это означает, что для понимания «обрусения» необходимо в первую очередь определить, что такое русская общность. По его мнению, русская общность состоит из ряда элементов, таких как язык, религия, лояльность к власти, история и обычаи, этническая принадлежность. В совокупности эти элементы составляют основу русификации, из которой вытекают различные варианты обрусения³². Таким образом, на основе различных вариантов «обрусения» можно проследить разное понимание исследователями сути империи.

И Хрисанф, и Ильминский выделяли общность веры как основу национального объединения, и их целью была ассимиляция инородцев в Российской империи через введение православного образования, что вело к ослаблению и растворению их собственной национальной идентичности и в итоге к тому, что они должны были стать истинно «русскими». В этом отношении им было ближе определение «обрусения», данного Бабковым. Стоит отметить, что их понимание «русскости» не ограничивается принадлежностью к национальной идентичности. В большей степени они подчеркивали религиозную принадлежность и лояльность империи. Так, в их понимании сущность России заключалась в сочетании трех основных элементов: самодержавия, православия и народности³³. Таким образом, педагогические знания Хрисанфа служили защите имперской системы, делая его одним из «строителей империи» (empire-builders)³⁴. Несмотря на использование языков инородцев в миссионерской работе, конечной целью все равно было уничтожение национальной идентичности инородцев и превращение их в недифференцированных «российских» подданных. Миссионерский метод, которому он научился, все еще был, по сути, политикой ассимиляции, направленной на создание гомогенного имперского сообщества.

Опыт обучения в Казанской духовной академии изменил молодого донского священника, завершив его превращение из Хри-

---

³² Geraci Robert P. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001. P. 344.

³³ См.: Ильин В.Н. Триада С.С. Уварова «Православие — Самодержавие — Народность» // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2018. № 16. С. 33–35.

³⁴ О «строителях империи» (empire-builders) См.: Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press. 2010. P. 12.

стофора в Хрисанфа. В результате превращения Хрисанф стал представителем духовенства, получившим полное образование в области миссионерства, востоковедения и религиоведения. Традиционные исследования русской церковной истории рассматривают духовенство только с точки зрения его духовной составляющей. Однако, помещая миссионеров в контекст имперской политики, случай Хрисанфа наглядно демонстрирует инструментальное значение религии в полиэтнической империи, которая отличалась от других империй тем, что ее экспансия была приграничной, поэтому включенные в ее состав территории сложно рассматривать с точки зрения опыта заморских колоний. В частности, дихотомия «колонизатор — колонизированный» не позволяла четко представить различия между разными народами в составе Российской империи, а наоборот, Россия была занята попыткой построить многонациональную империю как единую нацию, в центре которой стояли «православие, самодержавие, народность». В этой попытке миссионеры, как передовой отряд просвещения и ассимиляции инородцев, могли первыми почувствовать суть имперской идеологии и стать важной частью поддержания имперской системы.

Более того, опыт Хрисанфа позволяет предположить, что Россия конца XIX в. была не островом, а скорее государством в глобальной системе, подверженным разнообразным межрегиональным взаимодействиям. В исследованиях по церковной истории, например, в работе А.Ю. Полунова, рассматривается увеличение численности духовенства при Александре III³⁵. Однако казус Хрисанфа был не просто результатом российской внутренней политики, на него также повлияла потребность России во внешней экспансии. Внешняя экспансия России столкнулась с такими факторами, как британская экспансия и китайское господство на границе, и в напряжении региональных взаимодействий обычные русские, такие как Хрисанф, были включены в глобальную систему. Информация из мира могла обновляться внутри страны, что в итоге повлияло на структуру знаний в императорской России, позволив простым людям, таким как Хрисанф, получить доступ к новейшим знаниям о тибетских исследованиях и ламаизме. Хотя он не понимал, что Россия находится в состоянии «Большой игры», на самом деле оно практически применялось для поддержания внутреннего управления империей.

---

³⁵ См.: Полунов А.Ю. Церковь, власть и общество в России (1880-е — первая половина 1890-х гг.) // Вопросы истории. 1997. № 10. С. 127.

Отправка миссионера на Дальний Восток

Вспоминая о назначении главой миссии в 1899 г., Хрисанф сказал, что в то время он не испытывал никакого смущения³⁶. Однако Хрисанф, еще не окончивший академию, не был первым кандидатом на пост главы русской духовной миссии в Корее за такую большую ответственность. Первоначально главой миссии был о. Амвросий. После того как в 1897 г. Святейший Синод объявил о создании миссии, 4 февраля 1898 г. Николай II подписал указ, предписывающий миссии под руководством о. Амвросия отправиться в Корею³⁷.

В то время ситуация на Дальнем Востоке была непредсказуемой, Корея демонстрировала неприятие российской экспансии. В связи с этим российские дипломаты предложили членам миссии, таким как о. Амвросий, пока оставаться в Уссурийском крае и ждать подходящего момента для въезда в Корею³⁸.

О. Амвросию и другим не удалось попасть в Корею, и они отправились из Владивостока в Новокиевск, чтобы изучать корейский язык у живущих там корейских старцев. В это же время о. Амвросий работал в церкви при армии в Новокиевске³⁹.

В этот период у о. Амвросия часто возникали разногласия с офицерами и солдатами. В октябре 1898 г. он отправился в Японию, чтобы посетить епископа Николая (Японского), главу русской миссии в Японии. Он жаловался епископу Николаю на тревожный разврат среди высших и средних сословий на Дальнем Востоке и по всей России⁴⁰. Он без обиняков обрушился на поведение офицеров и чинов военного ведомства, подчеркнув, что оно порочит доброе имя России среди проживающих на окраинах инородцев⁴¹.

В конце ноября 1898 г. армейские генералы Приморской области неоднократно резко осуждали о. Амвросия, утверждая, что священник неліцеприятно отзывался о Петре I и Екатерине II и что он плохо ладит с верующими. В связи с этим генералы настоятельно

---

³⁶ Речь архимандрита Хрисанфа при наречении во епископа Чебоксарского // Известия Казанской епархии. 1904. № 22. С. 698.

³⁷ РГИА. Ф. 79. Оп. 178. Д. 2602. Л. 51а об.

³⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 57. Л. 1.

³⁹ Пак В.П., Ким Г.Н., Чен В.С. Корея и православие: сборник статей. Владивосток: 2011. С. 19.

⁴⁰ Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 3. СПб.: 2004. С. 795.

⁴¹ История Российской Духовной Миссии в Корее: сб. ст. / сост. священник Д. Поздняев. М.: 1999. С. 184.

рекомендовали Синоду рассмотреть вопрос о снятии с должности Амвросия⁴². Несмотря на протесты самого Амвросия, 30 ноября 1898 г. Синод распорядился освободить его от должности начальника и отозвать в Санкт-Петербург⁴³.

Амвросий олицетворял собой православное духовенство конца императорской России: терпимость населения, в том числе и военных, к православной церкви постепенно снижалась, но сама церковь по-прежнему оставалась защитницей авторитарной системы. Чем больше российская императорская система нуждалась в Православной церкви для идеологического контроля и защиты системы, тем сильнее становилось неприятие православной церкви как «слуги государства».

Должность главы миссии оказалась вакантна. Представляется, что Хрисанф обладал высокой квалификацией для этой должности в силу своего образования и других качеств. С одной стороны, он получил образование в духовной академии, где получил степень кандидата богословия, а во время учебы стал монахом. В период императорской России черное монашество было более уважаемым, чем белое духовенство, фактически находившееся на светской службе, и имело больше шансов подняться до высокого церковного чина⁴⁴. Поэтому, учитывая академическую подготовку и религиозные качества Хрисанфа, он, несомненно, был идеальным кандидатом для занятия должности главы миссии. С другой стороны, Хрисанф получил профессиональное миссионерское образование и во время учебы систематически занимался востоковедением, поэтому он был лучше знаком с язычниками Востока. Кроме того, у него уже был опыт миссионерской работы с инородцами на родине, и сочетание практики и теории помогло бы ему вести миссионерскую работу в Корее.

13 сентября 1899 г. Святейший Синод назначил отца Хрисанфа на должность главы миссии и уведомил об этом МИД⁴⁵. Чтобы помочь Хрисанфу лучше благовествовать в Корее, Синод выделил ему помощника И.И. Левченко, также выходца с Дона, для замещения вакансии псаломщика⁴⁶. Левченко и Хрисанф были одноклассниками в Донской духовном семинарии, и, кроме того, в 1890 г. они соревновались за место на миссионерском отделении Казанской

---

⁴² РГИА. Ф. 79. Оп. 178. Д. 2602. Л. 45–48.

⁴³ РГИА. Ф. 79. Оп. 178. Д. 2602. Л. 49–51а.

⁴⁴ Реформа Русской православной церкви (1861–1917). С. 37.

⁴⁵ РГИА. Ф. 79. Оп. 178. Д. 2602. Л. 53–54.

⁴⁶ РГИА. Ф. 79. Оп. 178. Д. 2602. Л. 57.

духовной академии, когда еще учились в Донской духовной семинарии. И хотя Левченко в итоге выиграл это место, после окончания учебы в Казанской академии он вернулся в Донской приход в качестве псаломщика и не получал повышения до самой отправки в Корею⁴⁷. Хотя в архивах и в дневнике Хрисанфа нет прямых указаний на то, был ли Левченко рекомендован им, их тесная дружба в годы обучения, несомненно, способствовала их сотрудничеству в миссионерской работе в Корее.

Хрисанф не стоял на первом месте среди кандидатов для отправки в Корею, он не был самым выдающимся молодым человеком среди своих современников в русском духовенстве. Но во времена императорской России духовенство было подчинено государственным порядкам. В подавляющем большинстве случаев духовенство императорской России было простолюдинами, часто низшего ранга⁴⁸. Духовенство, поддавшееся авторитарной системе, будь то Амвросий, Левченко или Хрисанф, не имело возможности самостоятельно решать свою судьбу. Ричард Пайпс (Richard Pipes), американский исследователь истории России, утверждает, что российское духовенство жило в своем собственном мире, еще более отгороженном от окружающего мира, чем сами купцы, населяющие их «темное царство», изолированное и отождествленное с самодержавием⁴⁹.

Государство определяло судьбу Хрисанфа и других, а когда того требовали обстоятельства, вместе с ними менялась и судьба духовенства. Как инструмент поддержания имперской системы, православное духовенство направлялось государством в различные места внутри страны и за границей. Таким образом, миссия Хрисанфа сама по себе была проявлением государственной воли, и в декабре 1899 г. Хрисанф принял назначение и отправился из Петербурга в Одессу, готовясь к морскому путешествию на Дальний Восток.

С тех пор Хрисанф перешел от жизни на российской земле к участию в глобальной системе. Хотя он не был оторван от глобальной сети даже в то время, когда был местным жителем, путешествие из Одессы на Дальний Восток стало первым случаем, когда он ощутил истинное значение мобильности. Это путешествие не только ознаменовало для него геопространственный скачок, но и символизировало глобализацию его восприятия и опыта.

---

⁴⁷ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 852. Л. 33 об. Цит. по: Григорий Гринев, свящ. Корейский миссионер епископ Хрисанф в годы учебы в Новочеркасске // Миссионерское обозрение. 2016. № 4 (204). С. 26.

⁴⁸ Pipes R. Russia under the Old Regime. N.Y.: Charles Scribner's, 1974. P. 244.

⁴⁹ Там же. P. 244.

Заключение

В последние годы появились работы по микроглобальной истории, написанные на основе опыта миссионерской деятельности, такие как «Проклятие миссионера и другие истории из китайской католической деревни»⁵⁰, «Глобальные связи человека, который никогда не путешествовал: Конфликт между мирами в сознании китайского христианина XVII века» и «Маленькие дочери Бога: женщины-католички в Маньчжурии девятнадцатого века»⁵¹. В них продемонстрированы возможности объединения исторической микро- и макроперспективы.

Обеспокоенный «предубеждением против мобильности» (mobility bias) глобальных историков, Доминик Заксенмайер обращается к сочетанию макро- и микроперспектив, чтобы изучить истории тех, кто, казалось бы, не находится в состоянии мобильности. В книге он показывает, как обычный человек оказывается на пересечении различных глобальных и локальных сетей, институтов и систем власти, и как это ставит под угрозу его творчество и его социальное и институциональное выживание⁵².

Однако миссионер Хрисанф, о котором шла речь в этой статье, — не обычный человек, переживший переход от «неподвижности» к мобильности. Его жизнь включает в себя как мобильность транснационального опыта, так и «неподвижность» человека, который не путешествовал. Данная статья опирается на исследование Доминика Заксенмайера, чтобы представить опыт Хрисанфа, отнесенного к мобильной группе на месте, и проиллюстрировать, как он уже был глубоко затронут глобальными взаимодействиями, прежде чем стал мобильным.

Что касается русского миссионера Хрисанфа, то в процессе расширения России на восток он продолжал приобретать жизненный опыт общения с инородцами Востока и в итоге применил его в своей миссионерской поездке. Его опыт работы на месте олицетворял жизнь духовенства в Российской империи во второй половине XIX в. Конечно, взаимодействие российского контекста с глобальным в конце концов приводит к переходу от «человека неподвиж-

---

⁵⁰ См.: *Henrietta Harrison. The Missionary's Curse and Other Tales from a Chinese Catholic Village.* Hongkong: 2021.

⁵¹ См.: *Ji Li. Gods Little Daughters: Catholic Women in Nineteenth-Century Manchuria.* Seattle: University of Washington Press, 2015.

⁵² Глобальные связи человека, который никогда не путешествовал. Конфликт между мирами в сознании китайского христианина XVII века. С. 12–13 (предисловие на кит.).

ного» к «человеку в глобальном измерении». Действительно, российский контекст формирует Хрисанфа как связующее звено между Россией и разнородными сообществами внутри страны, создавая стойкого защитника имперской системы.

Таким образом, в данной работе утверждается, что государственная власть определяла судьбу духовенства императорской России, такого как отец Хрисанф. Для поддержания стабильности имперской системы Православная церковь, являвшаяся идеологическим органом империи, направляла православных священнослужителей в различные места внутри страны и за границу. Переезд Хрисанфа на Дальний Восток не был чем-то исключительным. Чтобы ослабить давление внутри страны и развивать Дальний Восток, Россия создала регулярный морской путь из Одессы на Дальний Восток в дополнение к эмиграции с Запада на Восток. В это время переселялись не только русские, но и корейцы, и китайцы, и все эти три волны иммигрантов в итоге сошлись в одном регионе. Этим регионом был Дальний Восток, куда и направился Хрисанф. Таким образом, морской путь также помог Хрисанфу перейти от жизни на русской земле к участию в глобальной системе, позволил ему по-настоящему приобщиться к Дальнему Востоку и ощутить напряженность восточноазиатских обществ, с которыми ему пришлось взаимодействовать.

Литература

Андреев А.И. Россия и Тибет: История политических отношений (XVIII — начало XXI века). СПб.: Издание А. Терентьева, 2020.

Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875 г.: Разграничение с Западным Китаем 1869 г. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912.

Горяев М.С. Изменения правового статуса калмыцкого народа (1771–1847 гг.) // Вестник КИГИ РАН. 2009. № 2. С. 34–35.

Григорий Гриднев, свящ. Корейский миссионер епископ Хрисанф в годы учебы в Новочеркасске // Миссионерское обозрение. 2016. № 4 (204). С. 23–27.

Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 3. СПб., 2004.

Дронов В.А. Донские казаки-калмыки: от кочевья к оседлости // *Nomadic civilization: historical research*. 2022. № 1. С. 28–44.

Железнов А.Ф. Из истории буддологии в России // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2022. № 8 (38). С. 139–147.

Ильин В.Н. Триада С.С. Уварова «Православие — Самодержавие — Народность» // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2018. № 16. С. 33–35.

История Российской Духовной Миссии в Корее: сб. ст. / сост. священник Д. Поздняев. М., 1999.

Кострюков М.А. Казанская духовная академия — востоковедческий центр дореволюционной России // Наука и современность. 2013. № 25-1. С. 36–46.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2010.

Нехорошева Т.М. Понятие «обрусение» в трактовке профессора П.В. Знаменского // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 199–212.

Пак В.П., Ким Г.Н., Чен В.С. Корейцы и православие: сборник статей. Владивосток: 2011.

Полунов А.Ю. Церковь, власть и общество в России (1880-е — первая половина 1890-х гг.) // Вопросы истории. 1997. № 10. С. 125–136.

Помелов В.Б. Священник и просветитель нерусских народов Н.И. Ильминский. К 200-летию со дня рождения великого педагога // Историко-педагогический журнал. 2022. № 1. С. 14–35.

Щербак Д.А. «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему» // Донской временник. Год 2014-й. / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2013. Вып. 22. С. 145–149.

Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2010.

Harrison H. The Missionary's Curse and Other Tales from a Chinese Catholic Village. Hongkong: 2021.

Ji Li. Gods Little Daughters: Catholic Women in Nineteenth-Century Manchuria. Seattle: University of Washington Press, 2015.

Perdue P.C. China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. Harvard University Press, 2005.

Pipes R. Russia under the Old Regime. N.Y.: Charles Scribner's, 1974.

Geraci R.P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001.

Tsyrempilov N. Under the Shadow of White Tara: Buriat Buddhists in Imperial Russia. Leiden: Verlag Ferdinand Schöningh, 2021.

土肥恒之, 李文明译. 俄罗斯: 罗曼诺夫王朝的大地[M]. 北京: 北京日报出版社, 2020. (*Дохи Цунэюки*. Россия: Земля династии Романовых. (ロシア・ロマノフ王朝の大地). Пер. с яп. на кит. Ли Вэньмином. Пекин, 2020.)

埃莱尔, 张竝译. 俄罗斯帝国史: 从留里克到尼古拉二世[M]. 南京: 译林出版社, 2023. (*Геллер М.Я.* История Российской империи (Histoire de la Russie et de son Empire). Пер. с фран. на кит. Чжан Бином. Нанкин, 2023.)

张广达. 沙俄侵藏考略[J]. 中央民族大学学报: 哲学社会科学版. 1978(1):21–50. (*Чжан Гуанда*. Исследование вторжения царской России в Тибет // Вестник Китайского университета Минзу (издание по философии и общественным наукам). № 1. 1978. С. 21–50.)

戴桂菊. 俄国东正教会改革1861–1917[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2002. (*Дай Гуйцзюй*. Реформа Русской православной церкви (1861–1917). Пекин, 2002.)

施越. 俄罗斯草原征服史: 从奥伦堡到塔什干[M]. 上海: 东方出版中心, 2023. (*Ши Юэ*. История русского завоевания в степях: от Оренбурга до Ташкента. Шанхай, 2023.)

萨赫森迈尔D, 张旭鹏译. 在地之人的全球纠葛: 朱宗元及其相互冲突的世界[M]. 北京: 商务印书馆, 2022. (*Доминик Заксенмайер*. Глобальные связи человека, который никогда не путешествовал. Конфликт между мирами в сознании китайского христианина XVII века. Пер. с англ. на кит. Чжан Сюйпэн-ном. Пекин, 2022.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ли Цзин — докторант, Институт гуманитарных наук Университета Цинхуа, Пекин, КНР; *e-mail*: 923639147@qq.com

ABOUT THE AUTHOR:

Li Jing — PhD candidate, Institute of Humanities, Tsinghua University, Beijing, China; *e-mail*: 923639147@qq.com